

Борис Херсонский

Когелет

Разум в поисках выхода

Название

Двадцать первая книга Ветхого Завета, «Екклесиаст» или «Когелет» – одна из самых популярных книг Библии, и, в то же время, одна из самых спорных и самых таинственных. Авторство, время написания, каноничность, религиозное и филологическое значение, единство книги и даже язык, на котором она первично написана, все это по сегодняшний день является предметом дискуссий. Тайна присутствует даже в самом названии книги. Слово «Когелет» не употребляется нигде более в Библии! Это слово имеет женское окончание, но употребляется в мужском роде, как в русском языке слово «судья», и явно указывает либо на должность, либо является прозвищем, чем-то вроде литературного псевдонима. Последнее более вероятно, ибо название должности встречалось бы в иных книгах. Кроме того, слово «Когелет» в тексте явно «замещает» собою имя собственное. Еврейский корень слова «khl» обозначает «собирать», наиболее близкое слово «kahal» обозначает «собрание» или религиозную общину. Следовательно, Когелет, вероятнее всего – тот, кто собирает общину для того, чтобы проповедовать, или учить. Септуагинта следует именно этому значению, греческое слово «екклесиаст» должно быть переведено как «проповедующий в собрании». В разных английских переводах Библии слово «когелет» переводится как «проповедник» (вслед за блаженным Иеронимом и Мартином Лютером слово «проповедник»

употребляют и авторы синодального перевода русской Библии), или как «учитель». Несколько иное значение слова «когелет» предлагают иудейские источники. Рабби Шломо бен Ицхак (Раши) считал, что слово «собирать» в данном случае имеет отношение к мудрости, либо, конкретно, к притчам. Таким образом, Когелет – это тот, кто собирает мудрость, кто сосредотачивает ее. При переводе можно было бы использовать любое из этих значений слова «когелет» (вплоть до «собирающий» или «сосредотачивающий»), но мы предпочитаем сохранить древнееврейское слово в неприкосновенности.

Авторство

I. Кем была написана книга? Традиция приписывает ее мудрейшему из мудрых, царю Соломону, хотя имя это в книге не употребляется. По крайней мере, как авторы знаменитого перевода Библии на греческий язык (Септуагинта, III век до Р.Х.), так и составители еврейского канона в конце первого века нашей эры, а также иудейские и христианские комментаторы в течение почти двух тысяч лет не подвергали авторство Соломона сомнению. Интересно, что традиция отождествляет Когелета и царя Соломона в известной степени вопреки указаниям Талмуда (Baba Bathra 15a), что книга «Когелет» была написана во времена Езекии и возможными авторами является либо сам Езекия или мудрецы из его ближайшего окружения.

Напомним, что три канонические книги Библии приписываются царю Соломону – «Притчи», «Песнь Песней» и «Когелет». При этом часть комментаторов считало, что «Когелет» – последняя книга, написанная Соломоном, когда он уже достиг глубокой старости. Другие, например рабби Шломо бен Ицхак, считали, что последней книгой, написанной Соломоном была «Песнь Песней», а «Когелет» следует за «Притчами».

II. Со времен Мартина Лютера, а позднее – в эпоху становления «грамматического критицизма», либерально настроенным христианским исследователям текста Библии стало ясно, что авторство Соломона не может быть принято безоговорочно. Прежде всего обратил на себя внимание язык книги «Когелет», который значительно отличается от классического древнееврейского языка. В частности, в тексте было обнаружено два персидских слова («pardes» – сады, роши и «ritgam» – приговор, решение). Эти особенности были отмечены еще в семнадцатом веке голландским ученым Гуго Гроцием, который, оспаривая авторство Соломона, относил книгу ко времени персидского нашествия – к концу пятого века до нашей эры. В целом, лексика Когелета необычна. Отмечено много арамеизмов (их список имеется в комментарии F. Delitzsch). Последний высказался о времени написания книги весьма категорично: «Если книга «Когелет» принадлежит древней эпохе Соломона, то не существует истории древнееврейского языка». Многие слова, встречающиеся в тексте книги, практически не встречаются в Библии, зато их можно найти в ранних талмудических трактатах. Типичный пример представляет слово «yithron» – «польза» в первой главе, которое некоторые комментаторы [о. А. Мень 1992, о. В. Мышцын, 1905] склонны трактовать как «высшее счастье», наиболее вероятно, взято из экономической терминологии и обозна-

чает «прибыль» («дополнительное преимущество»), м.б. «возвышение»). Все это позволяло отнести книгу к послевоенной эпохе и заставило современных библеистов отказаться от традиционных взглядов на авторство книги.

Были сделаны далеко идущие предположения. Некоторое время считалось даже, что книга Когелет была первично написана на ином языке семитской группы (арамейском или финикийском) и, много позднее, переведена на древнееврейский [F.C.Burkitt 1921; F.Zimmerman 1945, 1949; H.L.Ginsberg, 1950]. Эта гипотеза подтверждения не нашла [С.С. Торгеу, 1948; R.Gordis, 1949, 1968]. Основные аргументы в пользу того, что книга «Когелет» была написана на древнееврейском языке следующие [по R.Gordis, 1968]: в тексте используется специфическая фонетическая игра слов, которая теряется в арамейской версии; параллелизм и смысловой ритм более характерны для еврейских текстов; в книге Иисуса, сына Сирахова (Бен Сиры) обнаруживается зависимость от лексики Когелета; цитируя Библию, Когелет приближается к традиционной древнееврейской версии текста; наиболее явные параллели к тексту вне Библии обнаружены в ханаанитской (а не финикийской) литературе.

Однако практически все критики сошлись на том, что под именем Когелета скрывается мудрец (chakam), живший не ранее четвертого века до Р.Х. Даже православные и католические комментаторы, в целом избегающие пересмотра сложившихся представлений об авторстве книг Библии, достаточно определенно высказывались против авторства Соломона уже в начале нашего века.

III. Сегодня лишь единичные ученые продолжают отстаивать традиционные взгляды. Это исключительно ортодоксальные иудейские (а также хасидские) комментаторы. Они, в частности, утверждают, что «новые» слова в тексте «Когеле-

та» свидетельствуют лишь о том, что книга переписывалась и редактировалась в позднейшие времена.

Здесь уместно напомнить, что не так просто обстоит и вопрос об арамейских влияниях. Как отмечают многие авторы [см. обзор у La Sor and oth., 1989, p. 28-29] арамейский язык имел длительную историю до того, как стал общепринятым языком на Ближнем Востоке (теперь его бы назвали «языком межнационального общения», лат. *lingva franca*). В восьмом веке до Рождества Христова этот язык уже имел широчайшее распространение. Арамейские слова обнаружены в древнейших еврейских текстах, таких как «Песнь Деборы». Таким образом, сами по себе арамеизмы не могут трактоваться как верный признак позднего происхождения текста. Что до языка книги «Когелет» в целом, то он значительно отличается от языка поздних, апокрифических книг. Поэтому нестандартность лексики «Когелета» может свидетельствовать именно о древности книги.

Но главный аргумент ортодоксальных иудейских богословов – это «аргумент древности». Если «великие светочи Торь» прежних веков считали книгу «Когелет» творением Соломона, значит так оно и есть. Необычайная тщательность, с которой древние иудеи относились к подбору канона Писания, делает грубую ошибку маловероятной. Данные об авторстве книги должны были бы быть очень надежными, поскольку ее содержание было (говоря мягко) не вполне ортодоксальным, если не еретическим. При наличии сомнений в древности книги «Когелет» и ее авторстве, она просто не была бы включена в канон. Ведь не были признаны каноническими иные произведения, тоже приписываемые Соломону, например, «Псалмы» и «Оды» Соломона, а также «Премудрость Соломона» (последняя книга признается канонической в Католической церкви начиная со времен Реформации).

Время создания книги

Можно с полной уверенностью сказать, что книга «Когелет» была написана не позднее пятого века до Р.Х. Свиток с текстом книги был обнаружен среди кумранских рукописей, относящихся к второму-первому веку до Р.Х. [J.Mullenbourg, 1954].

Более того, еще в третьем (втором?) веке до Р.Х. ее перевели на греческий язык «семьдесят толковников», не сомневаясь в каноническом достоинстве книги. Вероятнее всего, к тому времени книга уже прошла не менее чем через пять-шесть поколений, минимальный срок для формирования четкой традиции.

Надо сказать, что в книге практически нет «отправных точек» по которым можно было бы установить время ее написания методом исторической критики. Когелет подчеркнуто равнодушен к реалиям своего времени. Он избегает говорить об исторических событиях. Единственная приводимая им история о мудром бедняке, спасшем город от осады могущественного владыки, подчеркнуто абстрактна и не позволяет идентифицировать ее с каким-либо известным историческим событием. Более того, некоторые иудейские комментаторы склонны понимать этот отрывок сугубо символически. Город в данном комментарии – это тело человека, с «немногочисленным населением» – органами. Могущественный владыка, воюющий против города – это злые побуждения, а мудрый бедняк – добрые побуждения. Другой отрывок, в котором можно увидеть историческую конкретику – это упоминание о сложной иерархии чиновников, надзирающих друг за другом. В целом это напоминает структуру управления в Персидской империи, где над провинцией назначался сатрап, над которым надзирал инспектор, а над ними обоими властвовал царь со своим многочисленным двором и бюрократическим аппаратом. О времени персидского владыче-

ства напоминает и слово «провинция», «округа». Но смысл этого отрывка (4:7,8) достаточно темен и может быть понят по-разному, так, некоторые переводят его в смысле, что над чиновниками существует Высший Суд. Можно вспомнить и фразу

Для человека верующего, считающего написание и соби́рание Библии делом не человеческим, но Божьим, совершаемым людьми под водительством Святого Духа, факт включения книги "Когелет" в канон является решающим.

зу о том, что мудрость делает мудреца сильнее десяти властителей в городе. Кто эти властители? Идет ли речь о коллегиальном правлении (совет десяти?) или имеются в виду десять последовательно сменяющихся друг друга владык? Предостережение о том, что не следует плохо говорить о царе и о богаче (желательно даже не думать о них плохо), ибо даже птица небесная может передать царю недоброжелательное высказывание, заставляет подумать об обществе, в котором доношительство и предательство – самые обычные вещи. В том же роде следует понимать и совет владыке – не прислушиваться к каждому слову, чтобы не узнать, что его же собственный раб проклинает его. Многие авторы связывают пессимистическую интонацию Когелета с тяжким положением Народа Божия, находящегося под иноземным игом [см., например, комментарий Е. W. Hengstenberg, 1960]. Считается, что эпоха Соломона, расцвет единого Израильского царства, не располагала бы к рассуждениям о тщете всего земного. Но именно у царя Соломона в поздние годы царствования были все основания для пессимистических рассуждений. Престарелый царь подпал под влияние многочисленных жен, склонявших его к язычеству. Его дети явно были не способны продолжить дело мудрого монарха. Да и трагическая гибель сына-бунтовщика Авессаломов вряд ли была забыта царем. С чисто психологической точки зрения

наоборот – пессимизм скорее характерен

для эпохи расцвета, когда счастливая судьба государства уже надломилась и прозорливцу открывается дальнейшая участь общества – пресыщение, деградация, разделение и упадок. А именно такой и была эпоха Соломона.

Может ли помочь в установлении авторства и времени написания книги то, что Когелет представляет сам себя: «Сын Давида», «Царь в Иерусалиме», «Царь над Израилем в Иерусалиме», «был царем»? Но выражение «Сын Давида» обозначает не более чем «потомок Давида»: мы помним, что и Спасителя, входящего в Иерусалим люди приветствовали – «Осанна СЫНУ Давидову!», хотя Христа от Давида отделяло тысячелетие. «Был царем» в свое время послужило для иудейских комментаторов поводом для создания легенды о том, что Соломон в конце жизни утратил царскую власть, что он был сначала владыкой над всем Израилем, затем – над Иерусалимом, а затем – лишь над своим посохом. Но современные грамматические исследования показывают, что выражение «был царем» вероятнее всего соответствует английскому времени глагола present perfect, то есть обозначает – «был и остаюсь до настоящего времени». Даже слово древнееврейское «melek» (царь) не обязательно говорит о собственно царском достоинстве автора, оно может обозначать «владыку», «правителя» и даже... раввина. Кого мы должны называть «царь»? – вопрошает Талмуд, – «Раввина». Впрочем, в контексте Когелета подобный перевод слова «melek» явно был бы неверен. При всех оговорках, читателю ясно, что если автором книги и не является Соломон, то автор явно говорит от имени Соломона. А это придает вопросу о истинном авторе неожиданный, психологический оттенок. Ведь если мудрец лишь ПРИТВОРЯЕТСЯ царем Соломоном, чтобы подкрепить безусловным авторитетом царя свои собственные суждения, то эта ложь (даже если называть ее, как это принято в современной библеис-

тике, литературным приемом) лишает текст какой-либо учительной ценности.

Несомненно, авторство и время написания книги «Когелет» будут оставаться вопросом веры, и читателю предстоит выбирать между авторитетом библейской традиции и авторитетом современной текстологии. Для человека верующего, считающего чтение и собирание Библии делом не человеческим, но Божьим, совершаемым людьми под водительством Святого Духа, факт включения книги Когелет в канон является решающим. Книга Когелет принадлежит Библии и Церкви вне зависимости от того, кем и когда она была написана. И важнее всего для нас СОДЕРЖАНИЕ книги, тот духовный урок который она преподносит нам.

Единство текста

I. Несколько слов следует сказать и о проблеме единства текста книги. Несмотря на то, что первая строка и два заключения в «Когелете» явно выпадают из общей композиции, никаких сомнений в единстве текста до девятнадцатого века у исследователей не возникало. Зато позднее предпринимались многократные попытки расчлнить текст, выделив в нем несколько относительно самостоятельных источников. Чемпионом в этом явно был Siegfried [цит. по R.Gordis, 1968], который выделил в книге «Когелет» девять таких источников и, в лучших традициях библейской критики, присвоил им буквенные обозначения! Свою концепцию Siegfried основывал на том, что мысли книги слишком противоречивы для того, чтобы принадлежать одному человеку, и текст является не критической компиляцией. Подобной точки зрения придерживается и Б. Геце (1939), считающий книгу «Когелет» собранием изречений «израильских мудрецов, еще не осененных светом Евангелия». Но идея о том, что «Когелет» – не более чем сборник поговорок, вряд ли заслуживает серьезного внимания.

Редакторы-компиляторы обычно изменяют смысл оригинального текста и устремляют противоречия. Суждения же человека даже в процессе беседы могут меняться, частично из-за нормальных колебаний настроения. А если мудрец рассказывает о РАЗВИТИИ своих убеждений в течение жизни (а именно это и делает Когелет), то отсутствие противоречий было бы просто удивительным. Все же было бы неверно рассматривать текст как абсолютно цельный, появившийся сразу в том виде, в котором он вошел в Библию. Первый феномен, о котором следует сказать это «удвоение» названия в процессе составления и редактирования Библии. «Книга Екклесиаста» – название. Но и начальные строки книги – также не часть основного текста.

«Слова Когелета, сына Давида, царя в Иерусалиме» – обычное заглавие ветхозаветной книги (ср. с первой строкой Книги Притчей Соломоновых: «Притчи Соломона, сына Давидова, царя Израильского», первыми строками книг пророков). Заключение книги (начиная с главы 12, стих 9 и далее), несомненно написано человеком, редактировавшим книгу. В этом дополнении можно выделить две относительно независимые части (ст. 9 – 12 и ст. 13 – 14). Такие дополнения можно увидеть и в книге Иова (в славянской Библии – два дополнения). Н. Крохмаль [цит. по С. Бернфельду], считал, что финальные строки «Когелета» являются завершением всего ветхозаветного канона.

II. Не исключено, что все те фразы, где употребляется слово «Когелет» в третьем лице (в противоположность подчеркнуто личному характеру общего изложения) являются дополнениями редактора, включившего в текст некоторые изречения, приписываемые царю Соломону. Возможно, компилятивными являются небольшие разделы книги, содержащие разрозненные поговорки. Иногда перестановка фрагментов может сделать эти

разрозненные поговорки связным целым. Обычно, подобная «реконструкция» противоречит традиционным подходам к анализу смысла библейского текста: мы обязаны принять его таким, каков он есть.

Тем не менее, хотелось бы предложить читателю опыт подобного осмысления, частично основывающийся на традиции

“Когелет” намеренно подчеркивает выводы, к которым должно приводить материалистическое мышление, он показывает всю тщетность принципа «жить под солнцем». (Х. Лейман)

иудейского комментирования книги «Когелет». Речь идет о фрагменте десятой главы, стихи 16-20. Здесь одна за другой следуют поговорки, касающиеся социальной и государственной жизни (приводим их в традиционном синодальном переводе):

16. *Горе тебе, земля, когда царь твой отрок, и когда князья твои едят рано!*
17. *Благо тебе, земля, когда царь у тебя из благородного рода, и князья твои едят вовремя, для подкрепления, а не для пресыщения!*
18. *От лени обвиснет потолок; и когда опустятся руки, то протечет дом.*
19. *Пирьи устраиваются для удовольствия, и вино веселит жизнь; а за все отвечает серебро.*
20. *Даже в мыслях твоих не злословь царя, и в спальне твоей не злословь богатого, потому что птица небесная может перенести слово твое, и крылатая — пересказать речь твою.*

Два последних стиха выглядят достаточно странно: Когелет одобряет пирьи и винопитие, которые осуждаются в стихах 16-17, а также учит людей не быть искренними. Новый Завет также требует от верующих уважения к светской власти. Но требование Христа и апостола Павла лишь внешне напоминает слова Когелета. Нет, не из смирения не следует поносить царя и богача, не потому, что всякая власть исходит от Господа, но из страха перед тай-

ным доносчиком! Между стихами 18 и 19 нет, казалось бы никакой логической связи, первый говорит о разрухе в доме, а второй — о пиршествах и всевластии денег. Но ведь и разрушение и «пирьи во время чумы» — примета несправедливого государства, царь которого — отрок (слуга?), а князья едят рано. Обычно в библейских текстах «блаженство» провозглашается раньше, чем «проклятие». Если поменять местами стихи 16 и 17, и ввести несколько «объединяющих» слов, мы получаем следующий текст:

17. Благо тебе, земля, когда царь у тебя из благородного рода, а князья твои едят вовремя, для подкрепления, а не для пресыщения!
16. Горе тебе, земля, когда царь твой отрок, и когда князья твои едят рано!
18. От лени обвиснет потолок; и когда опустятся руки, то протечет дом.
19. А они говорят: "Пирьи устраиваются для удовольствия, и вино веселит жизнь; а за все отвечает серебро".
20. В подобной стране даже в мыслях твоих не злословь царя, и в спальне твоей не злословь богатого; потому что птица небесная может перенести слово твое, и крылатая — пересказать речь твою.

В этом случае — отрывок целен и описывает жизнь в «государстве без справедливости», увы, столь знакомую русскоязычному читателю... Вводные слова «а они говорят» отражают многовековую традицию понимания книги «Когелет» не как монолога, а как диалога между проповедником и общиной. При этом часть наиболее «сомнительных» с догматической точки зрения утверждений вкладывается в уста представителей общины. Из современных иудейских комментаторов такой традиции придерживается Harold I. Leiman, 1978: «Мы должны повторить, что так называемые богохульные и еретические речения Когелета не являются суждениями царя Соломона, но мыслями общины, кагала, к которому Когелет обра-

щается. Слова Когелета – эхо слов кагала, он намеренно подчеркивает выводы, к которым должно приводить материалистическое мышление, он показывает всю тщетность принципа «жить под солнцем» (т.е. чисто материальной жизни. Б.Х.). Проблема монолог-диалог действительно является реальной проблемой анализа текста книги «Когелет». Но остается неясным, является ли община коллективным собеседником мудреца, спорит ли он заочно со своими собратьями – хакамами, иногда, цитируя их изречения, или он ведет диалог с самим собою.

III. Технической проблемой является также подразделение книги на главы и стихи. Это, ставшее традиционным и облегчающее ориентацию в тексте разделение – несомненно позднейшее (средние века) и не очень тщательно произведенное вмешательство в оригинальную структуру книги. В двух случаях номер главы разделяет два отрывка, выражающих одну мысль. Некоторые переводчики стараются привести разделение на главы в соответствие со смыслом текста (И.Дьяконов 1973, R.Gordis 1968). Это оправданно, но приносит дополнительные трудности при сопоставлении различных версий и переводов «Когелета». F.Delitzsch выделяет в тексте три подструктуры и три «заключительных части». Первая часть включает первые четыре главы книги и начало пятой. Здесь заключение – несколько пословиц, посвященных страху Божию и поклонению Богу в храме. Второе заключение – поговорки о «лучших вещах», о хороших и плохих днях. И лишь третье – завершает книгу.

Существуют и иные мнения об оригинальной структуре книги. Все схемы построены по одному принципу – завершением отрывка считается один из рефренов. При этом исследователь выбирает в качестве разделяющей ту повторяющуюся мысль, которая кажется ему наиболее важной. Так, тот, кто считает самым важ-

ным призыв Когелета к наслаждению жизнью, считает слова о ценности простых радостей завершающими разделы книги, как бы подводящими итог (см. обзор у W.A. La Sor and oth. 1989). Тот, кто (не без основания) считает главной темой Когелета мысль о тщете всего, что происходит под солнцем, предложит иной вариант разделения книги на главы.

В целом же книга Когелет, несомненно, обнаруживает единообразие стиля, лексики, ее композиция продуманна и, в известной мере, симметрична. Первая и последняя строки книги – тождественны, и повторяют основную тему «Когелета» – все тщетно и мимолетно, все – суета. Как первая, так и последняя глава открывается стихотворными отрывками. Весь текст буквально испещрен рефренами. Риторические вопросы, манера построения фразы по типу «утверждение-возражение» (да, но), употребление слова «лучше» – все эти приемы, создающие атмосферу размышления и сомнения, ярко индивидуальны и являются лучшим аргументом в пользу единства основного текста. Приписывать же все стилистические особенности книги редактору или компилятору все равно, что сделать его соавтором (если не более) «Когелета».

Литературный жанр

I. Каков жанр книги «Когелет»? Этот вопрос следует рассматривать в двух аспектах, библейском и формально-литературном. С формальной точки зрения «Когелет» неоднороден. Часть текста написана в поэтическом жанре, часть представляет из себя ритмически организованную прозу. Принципы древнееврейской поэтики значительно отличаются от современных, привычных для европейского читателя. Прежде всего, в древнееврейских поэтических текстах отсутствует рифма. Что касается ритма, то он определяется не количеством слогов, но количеством значимых слов в полустроке. Такая полустро-

ка (колон) является как смысловой, так и структурной «единицей» древнееврейской поэзии. Своеобразный ритмический рисунок, присущий библейской лирике, частично определяется тем, что ударения в древнееврейском языке чаще всего падают на последний слог слова.

Среди других важных особенностей библейской поэзии – формальный параллелизм (*parallelismus membrorum*), использование алитерраций, рефрены. В то же время граница между поэзией и ритмизованной прозой не является четкой. Поэтому в различных изданиях «Когелета» текст располагается либо в строку, либо в столбец, либо эти два способа сочетаются. Последний вариант представляется наиболее приемлемым, поскольку указывает на «многожанровость» книги.

Использование нескольких художественных приемов не противоречит концепции о единстве текста: подобное комбинирование поэзии и прозы – совершенно обычное явление в библейской литературе. Некоторые особенности поэтики «Когелета» отличают его от других поэтических библейских книг. Прежде всего, это двенадцатая глава, в которой присутствует развернутая метафора, и даже две. Первая – уподобление старости непогожему дню, приближающейся зиме. Вторая – изображение стареющего тела человека через уподобление тела дому или городу. Стражи дома (руки) задрожат, сильные мужи (ноги) согнутся, глядящие в окна (глаза) помрачатся, мелющие (зубы) перестанут работать, ибо их останется немного... Метафора включает предельно физиологические подробности старости, как например, затруднения в отпавлении естественных потребностей – «запрутся наружные двери»... Уникально и стихотворение, открывающее третью главу «Когелета», чей ритм организуется многократным повторением слова «время».

Но Когелет не только и не столько поэт, иногда его называют критиком, эссеистом [Дж.К.Райлерсдам, 1991]. Это указывает на

литературный жанр, впрочем, явно еще не существовавший во времена написания книги.

II. Считается, что Когелет критикует ходячие воззрения своей эпохи, вступая в дискуссию с учителями и мудрецами своего времени. Здесь мы опять возвращаемся к идее «диалога», который неизбежно ведет критик со своим оппонентом. Если это так, то мудрецы не оставили за Когелетом последнего слова и, с помощью достаточно тонких схоластических и экзегетических приемов, постарались привести содержание книги в большее соответствие со своими традиционными воззрениями. На этом мы остановимся позднее.

С точки зрения библеистики жанр «Когелета» определяют как часть традиции «литературы Премудрости», зародившейся в дни Соломона и продолжившейся в течение тысячелетий в трудах писателей иудаизма и христианства. Ведущими чертами этой литературы был рационализм, поучающая интонация, афористичность и четкость высказываний.

Целью литературы Премудрости было указать верный путь, объяснить его преимущества, описать внешние признаки поведения тех, кто избрал верный путь и тех, кто заблуждается. Мудрецы видели мир, сотворенный Богом, прочным и неизменным, воплощающим идеи Божественной верности, справедливости, праведности. Вера в несокрушимую связь между верностью Богу и верностью Бога, на земле оплачивающего блаженством молитвы и соблюдение заповедей, полностью определяла мировоззрение мудрецов. Быть может, монологи друзей Иова, «утешающих» страдальца, выражают идеологию земной справедливости наиболее полно. Если ты претерпеваешь страдание, коли нет тебе удачи в делах твоих, значит ты тяжко согрешил и по грехам терпишь. Эти идеи и оппозиция им составляли главное противоречие ветхозаветного учения о спасении.

В рамках литературы Премудрости сложилось представление об абсолютном характере Премудрости, начало которой – страх Господен. Возникла даже персонификация Премудрости как некоего особого, духовного существа. Прекрасная метафора позднее обрела конкретное содержание: София, Премудрость Божия в виде красного ангела, восседающего на царском престоле в доме, покоящемся на семи столпах, стала сюжетом православной иконы, а лучшие соборы средневековой Византии и Руси назывались Софийскими. А двадцатый век подарил русскому богословию «софиологию» – учение столь же прекрасное, сколь и спорное. Именно в контексте литературы Премудрости и предлагает современная библейская критика рассматривать книгу «Когелет». Но при этом практически не упоминается наиболее существенное отличие книги: она скорее не НАСТАВЛЕНИЕ, но религиозно-философская ИСПОВЕДЬ. Это откровенный рассказ старца о заблуждениях и радостях своей молодости, о сомнениях и размышлениях. Но прежде всего – о глубочайшем духовном и психологическом кризисе, который он пережил. В этом отношении наследники Екклезиаста не мудрецы Талмуда, но Марк Аврелий, блаженный Августин, Лев Толстой. «Не случайно Толстой так часто цитирует Екклезиаста в своей «Исповеди», – пишет о. Александр Мень, – он сам прошел путь, проделанный иудейским философом, и в конце его неотвратимо встал роковой вопрос: «А что потом?». И действительно, «Исповедь» Толстого повторяет основную тему Когелета: тщету жизни «под солнцем».

III. Еще один вопрос подлежит обсуждению в данном разделе – является ли «Когелет» первично записанным текстом, т.е. книгой, или это устная проповедь, прошедшая через несколько поколений, прежде чем стать книгой. Практически все книги Библии прошли через период устной

традиции. Несомненно, «Когелет» – не только не исключение из этого правила, но и наиболее яркий пример письменно зафиксированной устной речи. Отсюда – и риторические вопросы, и повторы, и примеры, разъясняющие мысль при строгом соблюдении основного тезиса – тщета жизни Адама «под солнцем», вне Бога.

Контекст

I. В каком контексте следует рассматривать книгу «Когелет»? Последние два столетия обнаруживают устойчивую тенденцию расширить ареал не только литературой древнего Ближнего Востока (в широком смысле этого слова), но и античной литературой (в особенности – философией стоицизма). Из ближневосточного материала чаще всего указывается на египетские и вавилонские заимствования. Это лишь часть либерального подхода к толкованию и исследованию библейских текстов, фактически низводящего Боговдохновенные книги до уровня литературы в семье иных литератур древности. Несомненно, священнописатели были людьми своего времени и своего народа, но вдохновенные Святым Духом, они, оставаясь сами собою, стали сопричастны Вечности и Вселенной. Вот почему различные авторы Библии, какой бы временной или пространственной промежуток не разделял их, оказываются ближе друг другу (даже в споре!), чем к своим современникам. Если о поэте можно сказать словами Бориса Пастернака: «Ты вечности заложник у времени в плену», то о священнописателе следует сказать: «Он вырвался из плена времени и стал не заложником, но обитателем Вечности». Да, некоторые строки Когелета заставляют нас вспомнить о древнеегипетской поэзии («Спор разочарованного со своей душой») или о стоиках («Размышления» Марка Аврелия Антонина). Некоторые фразы совпадают почти буквально, некоторые мысли так созвучны! В качестве

примера приведем отрывок из древнеегипетской «Песни Арфиста», которая, предположительно, исполнялась во время заупокойных пиров.

«Исчезают тела и проходят,
другие идут им на смену со времени предков.

Боги, бывшие некогда,
покоятся в своих пирамидах.
Благородные и славные люди
тоже погребены в своих пирамидах.

Они строили дома -
не сохранилось даже место, где они стояли,
смотри, что случилось с ними.

Никто еще не приходил отсюда,
чтоб рассказать, что там,
чтоб поведать, чего им нужно,
и наши сердца успокоить,
пока мы сами не достигнем места,
куда они удалились.

А потому утешь свое сердце,
пусть твое сердце забудет
о приготовленьях к твоему просветленью.

Следуй желаньям сердца,
пока ты существуешь,
надуши голову миррой,
облачись в лучшие ткани.

Видишь, никто не взял с собой своего
достоянья,
видишь, никто из ушедших не вернулся
обратно!

(Перевод А. Ахматовой)

Можно трактовать эти совпадения по-разному: священнописатели или «внесли вклад в сокровищницу общечеловеческой мудрости», или «черпали из кладезя общечеловеческой мудрости». Но так ли важно это для того, кто знает, что Библия – не слово общечеловеческой мудрости, но дело общечеловеческого спасения. Даже «исповедальная», «рассудительная», «диалогическая», «скептическая» манера Когелета не меняет сути дела. Эта – самая печальная и самая скептическая книга Писания все равно целиком принадлежит Библии, библейской традиции и может рассматриваться только в библейском контексте. Возьмите любое издание Писания с указанием параллельных мест, и вы лег-

ко проследите связь мыслей Когелета (в том числе и тех, которые считались «еретическими») не только с иными книгами Ветхого Завета, но и с Благой Вестью христианства. Будучи частью традиции ветхозаветного мудрствования, «Когелет» переключается не только (и не столько) с «Притчами Соломона», но и с «Книгой Иова» и «Псалтирью», историческими книгами Библии.

Философия «Когелета»

I. Каждая философская система – это прежде всего основные категории. У Когелета таких основных понятий несколько. Но, как и во всякой подлинно библейской книге, отправные точки рассуждения у Когелета – человек и Бог. Категории «второго порядка» могут быть обозначены так: смерть, бессмысленные стремления, предопределение, праведность и нечестие, справедливость. Большинство этих проблем рассматривается и в других книгах Премудрости. Но почти нигде они не анализируются так, как в книге «Когелет». Даже обычные для Библии слова в этой книге имеют иное, или несколько иное, нетрадиционное значение. И прежде всего следует начать с «ключевых» слов – человек и Бог.

II. Для обозначения человека используется слово «adam» («Adam?»), далеко не единственное слово в древнееврейском языке, обозначающее человека. Оно имеет наиболее личный характер (ибо Адам – понятие одновременно и личностное и вселенское). Много усилий было затрачено богословами для того, чтобы показать, что Адам книги Бытия – понятие надличностное и обозначает все человечество [см. обзор о. Александра Меня, 1992]. Эта точка зрения, не чуждая и христианской теологии, быть может, наиболее жестко выражена в талмудической концепции человека. Хасиды безоговорочно верят в то, что душа Адама содержала в себе души всех людей, которые жили и будут жить на

земле. В качестве примера приведем притчу о том, как ученики спрашивали цадика, почему Адам нарушил заповедь Божью, если в нем уже обитали души хасидов, столь тщательных в соблюдении заповедей. Цадик ответил вполне в духе Когелета: «Лучше согрешить и понять, что все – обман, и умереть, чем проводить вечность мучаясь соблазном». Подобное представление об Адаме, как о первично духовном существе, включающем все человечество, берет свое начало от философских воззрений Филона Александрийского, оно проходит через всю историю иудаизма и христианства, находя свое выражение как в трудах святых отцов, так и в книгах российских философов и богословов – от Владимира Соловьева до отца Александра Меня. Любопытно, что такое представление о «вселенском Адаме» в раввинистической литературе, в известной мере, конкретизировалось и «деградировало». Так, например, мудрецы-амореи вполне серьезно рассуждали о том, каковы были размеры первочеловека и утверждали, что Бог сотворил Адама «от края и до края», а затем, после грехопадения, уменьшил его. Другие комментаторы говорили о том, что Адам был двуполым и двуликим [Урбан Э.Э., 1989].

Итак, Адам «с большой буквы» – больше чем просто персонифицированный религиозной живописью первочеловек. Но и адам «с маленькой буквы» – не безличный человек, но потомок и частица личности первочеловека, «всечеловека» (термин св. Григория Нисского). Адам – производное от слова «адама» – земля. Это имя постоянно напоминает о том, что человек сотворен из праха земного и должен вернуться во прах. Сыны человеческие (дословно – сыны Адама) не просто обозначение для всех людей. Это напоминание людям об общей родословной и о всеобщей судьбе. В нашем переводе мы чаще всего сохраняем слово «Адам», особенно когда речь идет о «человеке вообще» или о человечестве, о «сынах Адама».

III. Говоря о понятии Бога в «Когелете», мы должны упомянуть о том, какое из древнееврейских имен Божиих выбирает автор. В этом отношении книга абсолютно единообразна, всюду, говоря о Боге, «Когелет» употребляет слово «elohim» (дословно – «множественные величества»). Именно это слово обозначает Творца в первой главе Книги «Бытие». Имя Господь (евр. – «adonai»), замещающее непроизносимое Имя Божие, открытое Моисею в Синайской пустыне («ehyeh aser ehyeh» – Я есмь Сущий), не упоминается ни разу!

В библеистике Нового Времени (начиная с Н.В. Witter, 1711) принято объяснять подобный феномен чисто редакторской работой, в зависимости от принадлежности переписчика к «яхвистской» или «елохимистской» школе. Подобный механический подход хорошо объясняет мелкие, технические проблемы библейской текстологии, но он заставляет нас забыть о богословии имен Божиих, открывающих различные аспекты Божественной Сущности. Не вдаваясь в детали, скажем основное: «elohim» определяет Бога как Творца и Судью. «Adonai» – это Бог в истории, Бог Откровения и Спасения. «Elohim» – Бог, сотворивший в Адаме все человечество. «Adonai» – это Господь, заключивший Завет с Моисеем и избравший Себе в наследие Израиль [о теологии Имен Божиих см., в частности, Т.Е. McComiskey, 1984]. Мы уже упоминали о том, что внеисторичность – одна из основных черт библейских книг Премудрости. В них практически не упоминаются ни завет с Авраамом, ни исход евреев из Египта, ни дарование Торы Моисею, ни обетование земли Ханаанской народу Израиля. Однако в книге Притчей Соломоновых присутству-

---

«Когелет» говорит о Боге как о Создателе, давшем Адаму жизнь, и одновременно положившему предел и этой жизни, и способности человека к познанию, и возможности достичь совершенства.

ет имя Яхве, как напоминание о Господе Спасения, о Боге Израиля. В книге «Когелет» Бог остается Богом всего человечества, Творцом и Судией – не только «по имени», но и, преимущественно, по Своей природе. «Когелет» говорит о Боге как о

*«В небе солнце
взойдет и снова
вспыхнет, а для
нас, лишь погаснет
свет мгновенный –
непробудная
наступает
полночь».* (Катулла)

Создателе, давшем Адаму жизнь и одновременно положившему предел и этой жизни, и способности человека к познанию и возможности достичь совершенства.

Бог «Когелета» значительно более удален от человека, чем Господь, говоривший с Авраамом, Моисеем, Он менее личностен, чем Господь, говоривший устами пророков Израиля. Он еще более отстранен от нас, чем Бог, о котором рассуждают мудрецы. Он таинственен, непостижим, Он все создал так, чтобы люди благоговели перед Ним, но не дал людям возможности Богопознания. Даже представление о вечности Бог вложил в сердца людей. Но Он постоянно подвергает их испытаниям, навязывает им мучительный труд исследователей без всякого смысла, просто так, чтобы люди занимались этой работой. Бог дает человеку только то, что человек способен взять – простые радости жизни. И отвергать их – означает сознательно иссушать свою жизнь. Без воли Бога никто не смог бы различить вкус в пище! Бог освящает повседневную человеческую жизнь, Он позволяет человеку наслаждаться ею. И любовь возлюбленной жены твоей юности – тоже доля твоя от Бога. Подобные мысли в книге «Когелет» давали основание считать ее «гедонистической». Но, повторим, Когелет не говорит о ценности наслаждения самого по себе. Напротив, он говорит о смехе – «безумство!» и о веселье: «Что проку в нем?». Он явно высказывается в пользу аскетизма: «Пусть заостряются черты, но смягчается сердце». Он действительно советует приходиться в дом плача (не просто пла-

ча, но плача по покойнику!) для того, чтобы помнить о естественном конце каждой человеческой жизни. Как не вспомнить изречение позднейших времен: «Помни последняя своя и вовек не согрешишь!». Но простые радости человеческой жизни ценны, потому что они являются даром Божиим. В противном случае, Бог не позволит тебе воспользоваться тем, что ты имеешь, тебе не дано власти вкусить от трудов своих, ты обречен на то, чтобы трудиться «на ветер», после твоей смерти твое имущество унаследует другой.

IV. Еще одна фундаментальная категория в философии Когелета – это смерть, это осознание конечности человеческого существования. Твердой веры в бессмертие души в книге Когелет не видно. Он, как и авторы многих псалмов, придерживается «веры в Шеол». В русских переводах Библии слово «шеол» обычно переводится как «ад», «преисподняя». Подобный перевод неточен. Шеол – отнюдь не ад. Этот термин не содержит в себе идеи суда и воздаяния. В Шеоле пребывают все скончавшиеся, это слово обозначающее место ислечения, удаленное от присутствия живого Бога, место где нет ни мыслей, ни действий, ни намерений... Похоже, что там вообще ничего нет! Рассуждения о бессмертии души Когелету известны, но он подвергает их сомнению. Люди ничем не лучше животных – говорит он. Одно дыхание у всех, умирают и те и эти; и кто скажет наверняка, душа человека после смерти вознесется ли ввысь, а душа животного – сойдет ли во прах? Здесь нет категорического отрицания бессмертия. Просто, никому на земле не дано постичь тайну загробного существования. Адам обречен метаться между отчаянием и надеждой... Подобное отношение к небытию традиционно в философско-поэтической литературе на протяжении тысячелетий. И противоречие между монотонностью, повторяемостью и вечностью природных процессов и мгновенностью, конечнос-

тью, неповторимостью индивидуального существования было темой для многих великих поэтов. Вспомним строки Катулла: «В небе солнце взойдет и снова вспыхнет, а для нас, лишь погаснет свет мгновенный – непробудная наступает полночь», сопоставив их со знаменитым «и восходит солнце, и заходит солнце» из книги «Когелет». Отметим здесь, что отношение Когелета к смерти – почти ново-заветное. В смерти он видит врага. Она – не последнее прибежище, место отдохновения, как, например, в древнеегипетском «Споре разочарованного со своей душой», с которым часто сопоставляется книга «Когелет»:

«Мне смерть представляется ныне
исцелением больного,
исходом из плена страданья.
Мне смерть представляется ныне
благовонною миррой,
сиденьем в тени папируса, полного ветром.
Воистину, кто перейдет в загробное
царство –
будет живым божеством,
творящим возмездье за зло».

(Перевод В. Потановой)

Смерть у Когелета – это непобедимый противник, с которым человеку не дано тягаться. И хотя во второй главе Когелет признается, что он возненавидел жизнь, а далее он утверждает, что мертвые блаженнее живых, а те, кто не родились на свет – блаженнее живых и мертвых, это – не более чем риторические восклицания. Если что-то и является объектом ненависти Когелета, то это – смерть, разрушающая смысл человеческого существования.

Проблема смысла возникает именно перед лицом неизбежности смерти. Здесь Когелет ярко индивидуалистичен. Идея бессмертия в потомках, в вечном существовании народа Израиля на земле неприемлема для него. Никто не может гарантировать того, что потомки будут помнить предков и будут достойны их, напротив,

забвение – участь усопших. И любовь их, и ревность, и ненависть давным-давно сгинули. В том, что происходит под солнцем, у них нет своей доли. Эти мысли придают книге подчеркнuto экзистенциальный характер. В ней можно найти все основные категории экзистенциальной психологии – идею смысла и бессмысленности, свободы и ответственности. И Когелет дает четкие ответы на основные экзистенциальные вопросы. Жизнь – это просто данность, реальность. Если исследовать ее саму по себе, вне

связи с Тем, Кто дал тебе ее, никакого смысла найти в ней нельзя. Перед лицом смерти и Суда все земные цели человека тщетны. Отвергая после тщательного анализа все традиционные земные ценности, включая наивысшую из них – мудрость, Когелет, фактически, говорит то же, что и Спаситель: «*Не собирайте себе сокровищ на земле...*» (Мф. 6:19-21). Одним из «ключевых слов» для понимания книги является столь часто употребляемое «под солнцем». На этом сходятся как иудейские так и христианские комментаторы. Многие философы (и не только религиозные) обращаются к «Когелету», когда рассуждают о смысле жизни (например, М.Тареев, С.Франк).

В связи с книгой «Когелет» нельзя не упомянуть концепцию П. Тиллиха о компонентах экзистенциальной тревоги. Каждый вариант тревоги имеет две степени – низшую, относительную и высшую, абсолютную.

Первый вариант – тревога судьбы (относительный уровень) и смерти (абсолютный). Второй вариант – тревога пустоты (относительный уровень) и бессмысленности (абсолютный). Третий вариант –

Когелет дает четкие ответы на основные экзистенциальные вопросы. Жизнь – это просто данность, реальность. Если исследовать ее саму по себе, вне связи с Тем, Кто дал тебе ее, никакого смысла найти в ней нельзя.

тревога вины (относительный уровень) и осуждения, проклятия (абсолютный).

Тиллих считает, что все три фактора по сути – компоненты экзистенциальной тревоги, но в зависимости от эпохи и индивидуальных проблем один из этих

Когелет не согласен с тем, что земной человек может «заслужить» у Бога благополучную земную судьбу (о «заработанной» вечной жизни нет и речи!) В этом отношении Когелет – это Лютер иудаизма: лишь милостью Божьей человек обретает спасение.

компонентов выходит на первый план. По крайней мере два компонента экзистенциальной тревоги с огромной силой выражены у Когелета. Это – тревога пустоты и тревога бессмысленности и тревога судьбы и смерти. Текст как бы проводит нас от абсолютной степени тревоги к относительной и вновь возводит к абсолютной. Само по себе сло-

во «гевел» («hebel»), обозначающее «дуновение», «выдох», «пар» по мнению некоторых комментаторов не имеет оценочного компонента, в отличие от слова «бессмыслица», «суета» [см. А. Неер, 1991] и лишь констатирует быстротечность происходящего. Более того, по мнению А. Неера, слово «hebel» соотносится с библейским именем Авель, человеком, который был убит своим братом и не оставил потомства, а потому был «дуновен». Не придавая особого значения «мистике имен», мы все же приводим это толкование, как напоминание о том, что Когелет есть библейская книга. Человек и суета – это Адам-адама и Авель-Hebel.

V. Несмотря на то, что Когелет часто обращается к читателю, используя повелительное наклонение, создается впечатление, что он скорее рассказывает, чем поучает. Он избегает употреблять слова столь типичные для литературы премудрости – «блажен», «счастлив». Намного чаще он употребляет сравнительное, относительное слово «тоб» – «лучше».

Например, лучше живому псу, чем мертвому льву. Или – лучше мудрый и бедный юноша, чем одряхлевший царь. Читателю совершенно ясно: из этого не следует, что живой пес или бедный юноша «блаженны». Идея относительной ценности человеческой жизни столь же часто звучит в книге, как и идея бессмысленности существования. Повторимся: читая книгу, не можешь не видеть противоречий в тех мыслях, которыми делится с нами Когелет. Но было бы смешно «ловить» автора на противоречиях. Ни одно из своих утверждений (кроме тех, которые относятся к Богу), Когелет не преподносит как окончательную истину. Он просто сообщает нам о том, что некоторое время он придерживался некоторых мыслей. Все эти мысли представляются Когелету чем-то преходящим, несущественным, относительным. Еще одно серьезное отличие книги «Когелет» от схемы литературы Премудрости состоит в том, что автор книги экспериментально проверяет истинность своих суждений. Вся его жизнь – материал для интроспекции, самонаблюдения. Подобный отчет об эксперименте над самим собою уникален в Библии. Когелет не просто рассуждает о том, может ли богатство принести счастье и придать жизни смысл. Он приобретает несметные богатства. Он не просто говорит о том, что женская любовь ненадежна, он упоминает, что «искал и не нашел» настоящую женщину. Он приобретает мудрость не для того, чтобы стать мудрецом, но, чтобы ПРОВЕРИТЬ ценность мудрости. Более того, Когелет сознательно решает пристраститься к вину и разыгрывать из себя глупца, оставляя мудрость при себе, то есть разыгрывает жизнь-спектакль для того, чтобы понять, как лучше вести себя сынам человеческим в немногие дни их жизни. Такая страсть к жизненному экспериментированию, очевидно, весьма характерна именно для Соломона. Известная история о том, как царь рассудил двух женщин, соперничающих из-за ребенка, по сути, так-

же является ситуационно-психологическим экспериментом.

Когелет не отрицает ценности таких качеств человека как мудрость, праведность, благочестие. Он призывает нас совершать добрые дела, разделить свое достояние, дать долю семи и восьми нуждающимся. Мы должны торопиться делать добро, пока «не прервалась серебряная нить и не раскололась золотая чаша». Но Когелет не согласен с тем, что земной человек может «выслужить» у Бога благополучную земную судьбу (о «заработанной» вечной жизни нет и речи!) В этом отношении Когелет – это Лютер иудаизма: лишь милостью Божьей человек обретает спасение. Концепция предопределения также сближает философию и теологию «Когелета» с идеологией Реформации. Когелет совершенно определенно говорит о том, что есть время и срок для всякой вещи под солнцем. Бог сделал все прекрасным во время свое. Срок и случайность властвуют на земле. Смутные времена «ловят» сынов Адама, как сеть – рыб и, как силок – птиц.

Каноничность

I. Хотя книга «Когелет» заняла свое место в иудейском каноне (она находится в разделе «Писания», Kethubim среди пяти «свитков» – Meghilot, либо, как в христианской Библии между «Притчами» и «Песню Песней Сломона», в раввинистической литературе существует традиция, отрицающая не авторство, но богодухновенность Когелета. Эта книга якобы написана Соломоном от своего имени, а не по вдохновению Божьему. Формальным поводом для такого отношения была противоречивость некоторых утверждений Когелета, о которой мы говорили выше. Значительно меньшее значение имели скептицизм и пессимизм, а также «еретические» суждения Когелета о загробной жизни и бессмысленности земного существования. В частности, вопрос о Боже-

ственной природе книги дискутировался в связи с ритуальным осквернением, которое придают свитки Священного Писания человеческим рукам, согласно раввинистическому законодательству. Этот диспут возник между двумя школами – Гиллеля и Шаммая. Школа Гиллеля полностью признавала богодухновенность книги и, соответственно, приписывала ей «ритуальное осквернение». Школа Шаммая утверждала, что Соломон написал книгу «от собственной мудрости, но не от Божественного вдохновения». Практически же этот вопрос обсуждался в «литургическом ключе» – произносить или не произносить специфическое благословение над Священными свитками во время чтения книги «Когелет» [Rosenberg A.I., 1992]. Здесь уместно отметить, что в иудейской литургической традиции «Когелет» читается во время праздника Кущей (Суккот), одного из самых радостных праздников иудаизма. Резон для этого достаточно формален: призыв дать долю «семи и даже восьми» соотносится с числом дней праздника. Другое обоснование более содержательно. Именно во время праздника Кущей в субботний год (каждый седьмой год по иудейской традиции) царь обращался к народу в Иерусалиме, читая текст Второзакония.

Однако и само содержание книги и ее пессимистическое (на наш взгляд – скорее изменчивое) настроение также вызывали настороженность у учителей и мудрецов. Согласно талмудическим источникам (Shab. 30b; Lev. Rabbah, ch. 28; Ecc. Rabbah 1:4, 11:13; Mid. Mishle 25:1), древние мудрецы «скрывали» текст книги, чтобы не ввести в соблазн сомневающихся или нетвердых в вере. Интересно, что «сокрытию» по преданию подлежал не только «Когелет», но и книга «Притчей» и «Песнь Песней». Лишь во времена Езекии запрет на книги, приписываемые традицией Соломону, был снят. Возможно, самую раннюю «письменно зафиксированную» критику философии Когелета мы нахо-

дим в апокрифической книге «Премудрости Соломона» (книга входит в православную Библию, как «душеполезная», католики признают эту книгу канонической), написанной благочестивым фарисеем во втором веке до Р.Х. Автор вкладывает в

Августин подчеркивает, что осознание мимолетности мира «под солнцем» не освобождает человека от ответственности за совершенный им нравственный выбор, ибо сущность всего – бояться Бога, следовать Его заповедям, в чем и состоит долг человека.

уста нечестивцев, несправедно мудрствующих, основные положения философии Когелета, а именно – тщета земных стремлений, забвение после смерти и призыв наслаждаться земными благами. Но в заключение следует идея отрицания Божьего Суда и прямой призыв чинить несправедливость и беззаконие: расправиться с бедняком праведником, обирать вдов и сирот, не стыдиться многолетних седин старцев. Автор «Премудрости Соломона» здесь следует примеру полемистов, которые осуждают не столько то, что утверждает их оппонент, сколько те выводы, которые, якобы, могут быть сделаны из его слов...

II. Христианская Церковь унаследовала проблему каноничности Когелета от иудеев. Правда, некоторые особо «сомнительные» пассажи Когелета, при переводе на греческий были «выправлены» и смысл их подчас противоположен древнееврейскому тексту. Вот как приводит Климент Александрийский знаменитые строки Когелета о том, что во многой мудрости много печали: «И это тоже ИЗБРАНИЕ ДУХА, ибо во многой мудрости много ЗНАНИЯ» [Stromata, chap. XIII]. Подход к книге «Когелет» у христианских

комментаторов также не был однозначен. Как отмечает В.Н. Мышцын (1905), многие христианские учителя (Ориген*, Иустин, Ириней, Климент Александрийский) попросту умалчивают об этой книге. Федор Мопсуетский (V век по Р.Х.), в частности, считал необходимым исключить эту книгу из священного канона. Другие ранние отцы Церкви, например, блаженный Иероним, писали обстоятельные комментарии к Когелету.

III. Для нас безразлично, как понимали «слова Когелета, сына Давидова, царя в Иерусалиме» ранние отцы Церкви, какие мысли представлялись им наиболее существенными.

«Пастырь» *Ерма* (II век по Р.Х.) цитирует последние наставления книги «Когелет»: «Бойся Бога, следуй его заповедям» [Зап. XII, 6].

Святой Афанасий Великий составил «Синописис» (перечень книг и краткое их содержание) ко всей Библии, включив в него и книгу «Екклесиаста». Он не сомневается в авторстве Соломона и Богодуховности книги, но подчеркивает, что Соломон в этой книге более философ, чем пророк. Основная ценность книги в том, что она дает истинное толкование предметам, по поводу которых «мудрствуют» греки и египтяне. Святой Афанасий в полемике против язычников использует фразу Когелета о том, что Бог «сотворил людей правыми, а они пустились во всяческие увертки» [«Против язычников», п. 8, «О воплощении Слова Божьего», п.п. 4,5]. В «Жизнеописании святого Антония» (п.17) он вспоминает слова Когелета о том, что все свое достояние после смерти приходится оставлять тому, кому не хочешь. В «Апологии бегства» он же напоминает о совете Когелета «не быть нечестивцем, чтобы не умереть до срока» (п.14), а также цитирует заключительные слова Когелета о том, что всякое дело Бог приведет на суд. В этой же книге вспоминаются слова о социальной несправедливости и пре-

---

* В отношении Оригена у В. Мышцына – явная неточность. Этот писатель многократно цитирует «Когелет», употребляя по отношению к нему слово «Писания». Характер цитирования «Когелета» у Оригена не отличается от такового в трудах других раннехристианских Отцов.

следовании невинных. Афанасию Великому представляется, что эти слова Сломона связаны с печальным опытом его отца, царя Давида, бывшего объектом несправедливых преследований. Святой Афанасий также цитирует слова о том, что «женщина горше смерти» в «Письмах монаху» (первое письмо, п. 2). В словах Когелета о том, что, «*копающий яму упадет в нее и разрушающего ограду ужасит змей*», святой видит предостережение против ошибок при толковании Писания (что поразительным образом напоминает раввинистические толкования против тех, кто «разрушает ограду вокруг Закона»).

Святой Григорий Нисский (написавший одно из толкований на книгу «Екклесиаста»), в полемике против еретиков вспоминает его предостережение против «чрезмерной мудрости» [«Против Евномия», книга 1, п. 14]. Здесь же он приводит начало третьей главы «Когелета» о том, что «*всему свое время и свой срок для всякой вещи под солнцем*», и утверждает, что к «*блаженной, благословенной жизни*» это не относится, она не имеет никаких измерений, в том числе и временных – «*время бежит от нее*». Также в полемике против еретиков он пишет, что еретик – не живой человек, но «*кости в беремной утробе*», используя метафору Когелета как инвективу («О Святом Духе»). Вспоминает Григорий Нисский и слова о том, что человек не должен быть многословен пред Богом, ибо «*Бог на небе, а ты на земле*». В трактате «О девственности» он использует слова «*земля пребывает вовек*» для иллюстрации иллюзорности того чувства господства над землей, которое присуще людям. В этом же трактате поговорку «*двоим лучше чем одному*» святой Григорий использует для того, чтобы предостеречь гордых, желающих прославиться уединенной строгой жизнью: гордыня заставит такого человека пасть, лишь коснувшись совершенства и тогда «*горе тому, кто шел в одиноче-*

стве!». В трактате «О сотворении человека», рассуждая об органах восприятия, святой Григорий вспоминает слова Когелета «не наполнится ухо слушанием».

Относительно часто обращается к Когелету и святой Иоанн Златоуст. У епископа Константинопольского есть излюбленные изречения из книги «Когелет», и это прежде всего главная тема: «*Все – суета*». Златоуст повторяет эту цитату десятки раз! Вторая излюбленная цитата – заключительные слова книги – «*Бойся Бога...*». К излюбленным изречениям несомненно относится и «лучше ходить в дом траура...», которое используется для обоснования аскетической практики. Цитируется также поговорка «*мудрость человека просветляет лицо его*», точно так же, пишет святой Иоанн, «достоинство женщины преобразует ее лицо» («Руководство к катехизации»). В восемьдесят третьей проповеди на Евангелие от Матфея святой Иоанн Златоуст также цитирует похвальные слова мудрости: «Преимущество мудрости над глупостью подобно преимуществу света над тьмою». Рассуждая о сне, он приводит слова «сладок сон трудящегося, много он ел или мало». В шестнадцатой проповеди на Деяния Апостолов Иоанн Златоуст сравнивая Писание с бездонным кладзем, полное познание которого недоступно человеку, подкрепляет свою мысль словами Когелета: «я сделался мудрым, но мудрость далека от меня».

Блаженный Августин обращается к книге «Екклесиаста» многократно. В труде «О граде Божием» он отмечает, что учение Когелета о круговращении явлений в природе ни в коем случае не следует уподоблять философии платоников. Подобное отождествление было бы «несовместимо с истинной верой» (кн. 12, глава 13). Он размышляет о правомочности употребления слова дух применительно к животным (книга 13, глава 24), причем, прак-

Когелет задает вопросы, на которые даст ответ лишь Христос.

тически те же мысли высказываюся и в трактате «О Троице» (глава 16). Слова Когелета о том, что «*Бог сотворил человека правым*», блаженный Августин цитирует, рассуждая о грехопадении Адама. Трактую призывы Когелета «*есть и пить*»

Быть может, главный урок "Когелета" – урок смирения, урок принятия жизни такой, какова она есть. Он учит нас постоянно помнить о том, что преимущества земной жизни относительно и не может человек достичь никакого превосходства под солнцем.

экзегетически, как указание на Причастие Святых Тайн Христовых, блаженный Августин подчеркивает те места книги, где говорится о том, что лучше ходить в дом плача, чем в дом пира. А метафору Когелета о двух городах, в одном из которых правит царь-отрок, а в другом – сын благородных, блаженный Августин воспринимает как прекрасную иллюстрацию к

своему основному тезису о вековечной борьбе Града Божия и сатанинского града (книга 17, глава 20). Особое внимание блаженного Августина привлекает тема земной несправедливости, когда праведника постигают несчастья, а нечестивцы процветают. Здесь цитируется «тема Когелета»: «*все – бессмысленно!*», но утверждается, что осознание суетности и мимолетности мира «*под солнцем*» не освобождает человека от ответственности за совершенный им нравственный выбор, ибо сущность всего – бояться Бога, следовать Его заповедям, в чем и состоит долг человека (книга 20, глава 3). Умножающий познание, умножает скорбь. Эти строки заставляют отца Западной церкви упомянуть, что богопознание является исключением из общего правила. Если цитирование пословицы о том, что нет на земле праведника, который бы делал добро, ни разу не согрешив, вполне естественно для богослова, который чувствовал власть греха над собою так же остро, то достаточно формальной выглядит мысль

о том, что призыв Когелета «*дать долю семи и даже восьми*» – это намек на перенос дня покоя с субботы (седьмой день) на воскресенье (восьмой день). Иногда блаженный Августин просто пользуется метафорой Когелета «*время собирать камни*» для иллюстрации собственных мыслей («О христианской доктрине», книга 3, глава 18), также и «*время уклоняться от объятий*» служит иллюстрацией для проповеди сексуального воздержания («О благе брака», «О благе вдовства»). «*Время веселья и время траура*» сопоставляется со словами Христа о том, что сыны брачного чертога не могут поститься, пока с ними жених, но будут поститься, когда жених у них отнимется («Письма»).

Разумеется, приведенные нами примеры использования «Когелета» ранними христианскими писателями не претендуют на полноту. Но и немногого достаточно, чтобы увидеть, что отцы Церкви первых веков скорее принимали книгу, как часть Писания, охотно цитировали ее (хоть и реже чем иные ветхозаветные книги, например, Псалтирь), соотносили смысл книги с проповедью Христа и Апостолов. При этом, наиболее близкими для ранних отцов были изречения о суетности жизни без Бога, о страхе Божьем, как сути человека, похвальные изречения о мудрости, проповедь умеренности и аскетизма. «Спорные» места просто остаются вне сферы внимания отцов Церкви, они либо используют «откорректированные» цитаты, либо трактуют их смысл экзегетически. Достаточно свободно используются и крылатые выражения из книги «Когелет», иногда – вне связи с контекстом, в котором они употреблены в самой книге. Давние споры в несколько «приглушенной» форме продолжаются и сегодня.

IV. Комментатор Библии издательства «Жизнь с Богом» (по всей вероятности – отец Александр Мень) склонен считать, что сам по себе «Когелет» не несет никакой позитивной идеи и может быть осмыс-

лен лишь в общем контексте Священного Писания, поскольку отражает «кризис ветхозаветного сознания». Когелет задает вопросы, на которые даст ответ лишь Христос. Те, кто оценивает достоинство книги более высоко (например, В.Мышцын, 1905), упрекают критиков «Когелета» в том, что они рассматривают книгу фрагментарно, вырывая из контекста скептические изречения. Ведь не всегда ответ следует немедленно за вопросом... Кто знает наверняка, вознесется ли душа Адама ввысь? Сам Когелет! В заключительных строках книги он вполне твердо пишет о том, что дух возвратится к Богу, который его дал.

К сожалению, как мы уже отмечали, и в переводах, и в комментариях была сильна установка «поправить» книгу, приводя ее в большее соответствие с традиционными (и упрощенными) богословскими представлениями. Уже Септуагинта превращает вопрос о посмертной судьбе духа человека в утверждение неоспоримого преимущества человеческой души над душой животного, хотя эта трактовка абсолютно не соответствует контексту. Более радикальны иудейские комментаторы, склонные в любом из призывов к человеку «есть и пить и видеть благо в делах своих» указание на необходимость изучать Тору. Даже фраза о том, что двоим лучше, чем одному, понимается так, что изучать Тору следует вдвоем, ибо если один ошибется, второй его поправит... Иная методика понимания текста – замена значения на противоположное. Пример из комментария Раши «нет одинаковой (вместо одинаково) памяти о мудром и о глупом. Ведь память мудреца благословенна, а память глупца – презренна». Нужно ли говорить, что подобное комментирование совершенно не соответствует тексту? Ведь если все так справедливо на земле, почему же Когелет задает риторический вопрос: «Зачем я сделался мудрым?» Подобных примеров не счесть. Но многие комментаторы поступают в духе грам-

матического прояснения трудных (преимущественно синтаксических) мест книги, уточнением значения неясных слов... Достаточно сказать, что одни и те же слова могут переводиться как «роскошные колесницы», «сундуки и сундуки», «женщины и женщины»... При общей согласованности различных версий текста, существуют все же многочисленные расхождения в греческой, древнееврейской, сирийской и арамейской версиях книги. Анализ этих расхождений выходит далеко за рамки настоящей статьи. Заинтересованный читатель найдет исчерпывающую информацию в труде R.Gordis, которым пользовался автор настоящего переложения.

Быть может, главный урок Когелета – урок смирения, урок принятия жизни такой, какова она есть. Он учит принимать и радости и горести с благодарностью, ибо и то и это – от Бога. Он учит нас не превозноситься, но постоянно помнить о том, что преимущества земной жизни относительны и не может человек достичь никакого превосходства под солнцем. Судьба может возвести тебя из темницы на царство (как был возведен Иосиф), но царь перерождается в нищего на своем престоле. Все равно люди последуют за твоим преемником, а преемники не поминают добром предшественников. Помнить об этом – не значит презирать жизнь, но – знать ей истинную цену. Повторим, речь идет о жизни «под солнцем» такой, какова она есть. Там, где жизнь не укладывается в рамки схематизированных представлений, характерных для ветхозаветной литературы Премудрости, Когелет делает выбор в пользу реальности, не страшась обвинений в ереси. При этом он сохраняет твердую веру в бытие Бога, Его благость и справедливость. Из странствий и сомнений он возвращается к основным формулам библейской этики. И если кто-то отправится вслед за Когелетом в странствия и не захочет возвращаться вместе с ним, то виновен ли в этом автор? «Предоставим заблуждаться тому, кто хочет заб-

луждаться», говорили наследники Когелета, еврейские мудрецы – khakamim. Мы должны ответить Когелету той же открытостью, той же готовностью к страданию и несправедливости земной жизни. Нам остается только одно – принять его книгу такой, какая она есть, не стремясь прояснить «темные» места или приспособить его суждения к нашим собственным убеждениям...

Борис ХЕРСОНСКИЙ

Литература

- Августин, Блаженный. О граде Божиим. М.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1994, т. 1-4.
- Афанасий Великий. Синописис или краткое изложение содержания библейских книг. В «Елисаветинской Библии», С-Пб., 1751.
- Бернфельд С. Когелет. В кн.: Еврейская Энциклопедия, М.: «Терра», 1991, т. IX, с. 597-607.
- Библейский словарь. [Под ред. Эрика Нюстрема]. Gmbh, World Christian ministries, 1976.
- Григорий Нисский. Толкование на кн. Екклесиаста. В кн.: "Творения св. Григория Нисского", т. 2, М., 1861.
- Дионисий Великий. Толкование на начало книги Екклесиаста. В кн.: Творения. Казань, 1900, с. 85-94.
- Дьяконов И. Древнееврейская литература. Книга Екклесиаст (перевод). Примечания к книге Екклесиаста. В кн.: «Поэзия и проза Древнего Востока», М., «Художеств. лит.», 1973, с. 537-550, 638-654, 724-727.
- Геце Б. Библейский спутник. В «Библии» (Б.Геце), 1939, с. 20.
- Екклесиаст. Текст, комментарий. В «Библии», Брюссель, «Жизнь с Богом», с. 885-896, 1961-1964.
- Иероним Стридонский. Толкование на книгу Екклесиаста. В кн.: "Творения Блаженного Иеронима Стридонского", ч. 6, Киев, 1905, с. 1-136.
- Кохелет. Перевод Шимшона Мидбари. В кн. "Кетувим", ред. Давида Йосифона, Мосад Арав Кук, Йерушалаим, 1977, с. 184-197.
- Лирика Древнего Египта. М.: «Художественная лит.», 1965.
- Мень А. История религии. М.: «Слово», т 1, 1991.
- Мень А. Екклесиаст. В кн.: "История религии". М.: «Слово», 1992, т. 6, с. 148-163.
- Мышцын В.Н. Екклесиаст. Предисловие, комментарий. В "Толковой Библии", С-Пб., изд. преемников А.П.Лопухина, 1905, т. 5, с.1-36.
- Неер А. Книга Когелет. В кн.: "Евреи и еврейство". Иерусалим: Гешер Алия, 1991, с.168-181.
- Райлерсдам Дж.К. Книги притчей Соломоновых, Екклесиаста, Песни Песней Соломона. В кн.: «Комментарии к книгам Ветхого Завета», ВСБ, 1991, с.110-164.
- Рижский М.И. Иов, Екклесиаст. Библейские вольнодумцы. М.: «Республика», 1992, с.154-233.
- Тиллих П. Мужество быть. В кн.: "Символ", Вып. 28, Париж, 1992, с.7-119.
- Смысл жизни. Антология. М.: «Прогресс», 1994.
- Урбан Э.Э. Мудрецы Талмуда. Биб-ка-Алия, 1986, с.84-137.
- Энтин Р., Коэлет. Бней-Брак, 1989.
- Beecher W.J., Armerding C.E. Ecclesiastes. In: The International Standard Bible Encyclopedia, vol.2, William B. Eerdmans Publishing Company, Grand Rapids, Michigan, p.11-14.
- Burkitt F.C. «Is Ecclesiastes a Translation?», in «Journal of Theological Studies», Oxford, 1921, vol. 22.
- Delitzsch F. Ecclesiastes. In: Keil C.F., Delitzsch F., Commentary on the Old Testament., Michigan, William B. Eerdmans Publishing Company, (repr.) 1976, vol VI, p.179-442.
- Ginsberg H.L. Studies in Koheleth, New York, 1950.
- Gordis R., Koheleth – the man and his world. A study of Ecclesiastes. New York, Schocken Books, 1968 p.421.
- Hengstenberg E.W. Ecclesiastes. Sovereign Grace Publishers, 1960, p.263.
- Kohele. Ecclesiastes. New York, The Artscroll Tanach Series, 1994. Kohlenberger John R. (ed) The NIV Interlinear Hebrew-English Old Testament, vol. 3, Regency Reference Library, Zondervan Publishing House, Grand Rapids, Michigan, 1982 p.569-590.
- Kugel J.K. Ecclesiastes. In: «Harpers Bible Dictionary», Harper San Francisco, 1985, p.236-237.
- Leiman H.I. Koheleth. Life and its Meaning. Jerusalem / New York, Feldheim Publishers, 1978, p.224.
- McComiskey T.E. Names of God. In: «Evangelical Dictionary of Theology», Michigan, Baker Book House, 1991, p.464-468.
- Mullenbourg J. A Qohelet scroll from Qumran. The Bulletin of the American Schools of Oriental Research, 1954, vol. 135.
- Owens John J. Analytical Key to the Old Testament, vol 3, Baker Book House, Grand Rapids, Michigan, 1991, p.611-644.
- Roberts A., Donaldson J. (ed.) The Ante-Nicene Fathers. Repr. W.M.B. Eerdmans Publishing Company, Grand Rapids, Michigan, vol. 2.
- Roberts B.J. The Old Testament Texts and Versions. Cardiff, 1951. Rosenberg A.I. The Five Megilloth. New York, The Judaica Press, 1992, vol. 2.
- Schaff F. (ed.) Nicene and Post-Nicene Fathers of the Christian Church (A select Library). Repr. W.M.B. Eerdmans Publishing Company, Grand Rapids, Michigan. vol. 2, 3, 4, 5, 9, 10, 12, 13, 14.
- Witter H.B. Jura Israelitarium in Palestinam. Hildesheim, 1711.
- Zimmerman F.,»The Aramaic Provenance of Quohelet», in Juwish Quarterly Rewieu, vol 36, 1945 Zimmerman F., «The Quastion of Hebrew in Quohelet», in Juwish Quartarly Rewieu, vol 40, 1946.